

УДК 159.923:159.9.072.533

ОБ ИЗМЕРЕНИИ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВРЕМЕНИ РЕАКЦИИ (ЧАСТЬ 1: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)*

С.А. Щebetенко, С.В. Вайнштейн

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: shebetenko@rambler.ru

Рассматриваются методы исследования имплицитного социального познания. Демонстрируется концептуальная неоднородность подходов к эмпирической разработке проблемы. Формулируется гипотеза о совместном вкладе имплицитных и эксплицитных черт личности в дисперсию показателей наблюдаемого поведения. Обозначаются современные тесты измерения имплицитных черт личности и их связь с эксплицитными параметрами. Конкретизируется проблема имплицитных-эксплицитных измерений личности и предлагается ряд гипотез для последующей эмпирической проверки.

Ключевые слова: большая пятёрка; время реакции; имплицитный ассоциативный тест; социальное познание; черты личности

Имплицитное социальное познание и методы его исследования

В последние годы, на почве сближения социальной и когнитивной психологии, второе дыхание получают идеи, имевшие ранее основание разве что на территории психодинамической психологии: личностные процессы и процессы социального познания могут функционировать на двух уровнях — контролируемом и автоматизированном.

Импульсом к развитию таких мыслей послужили исследования в области социальных установок, стереотипизации и предубеждения.

Долгое время в этой сфере самоотчеты не имели никакой серьезной альтернативы; действительно, для того чтобы узнать мнение человека по тому или иному поводу, лучший способ — это напрямую у него спросить. Однако попытки верификации самоотчетных тестов поведенческими индикаторами наталкивались на низкую эффективность первых. Как было сказано в одной из первых работ, рефлексировавших эту проблему, «анти-негритянские настроения преобладают среди белых американцев куда больше, чем можно было бы ожидать с учетом данных опросов» [15].

© Щebetенко С.А., Вайнштейн С.В., 2010

* Статья, опубликованная в этом номере «Вестника», представляет собой обзор литературы по вопросам измерения черт личности посредством скорости реакции, а также постановку проблемы нашего исследования. В следующей публикации, выход которой запланирован в одном из ближайших номеров, будут изложены процедура первого эмпирического исследования, по сути пилотажного, его результаты, их обсуждение, а также будут высказаны некоторые допущения касательно дальнейших исследовательских шагов.

Практически такая ситуация вновь подняла старый вопрос о создании методов диагностики, альтернативных самоотчетам, способным решить их априорную подверженность интроспекции испытуемого. Но если в прежние времена этот вопрос решался, как уже отмечалось выше, с позиций психоаналитических, предполагающих мотивационное «двойное дно» с соответствующими попытками до него достучаться (проективные тесты), то теперь предпринимаются попытки его решить с помощью методов, зарекомендовавших себя преимущественно в когнитивной психологии и психофизиологии. В последние 15 лет было разработано множество таких тестов, получивших название имплицитных. В их основе обычно лежит измерение скорости реакции на предъявляемые стимулы.

Личность и самооценка методически, да и концептуально, включаются в поле социального познания. Поэтому методы их исследования являются родственными методам исследования таких социально-психологических феноменов, как установки и стереотипы. Неудивительно, что, возникнув на территории исследования стереотипов и предубеждений, имплицитные тесты «добрались» и до черт личности и самооценки. В нашей статье предлагается постановка проблемы исследования черт личности посредством, пожалуй, наиболее часто используемого метода имплицитного познания, «Теста имплицитных ассоциаций» (Implicit Association Test; далее по тексту — IAT; [28]).

Справедливости ради следует отметить, что термины «имплицитный/эксплицитный» не являются вполне корректными, а скорее традиционалистскими [23]. Дело в том, что традиционно, в когнитивной психологии, термин «имплицитный» относится к процессам неосознаваемым в силу кратковременности предъявления релевантного стимула (до пары сотен миллисекунд). Однако в случае с имплицитными

социальными установками у нас нет никакой уверенности, что индивид не осознает эти установки. Более того, чаще всего у нас есть уверенность в обратном. Использование же предпороговой длительности предъявления стимулов (здесь их называют праймами (primes)) является скорее исключением, нежели общим местом.

Как отмечалось выше, современные имплицитные тесты, видимо, имеют в качестве своих предшественников проективные методики; как и последние, имплицитные тесты обращаются к измерению тех установок, о которых индивид не склонен сообщать прямо. Поэтому, как считают Fazio and Olson [23], корректнее стоило бы говорить о «прямых/непрямых» тестах и установках. Однако традиция есть традиция.

Какими свойствами должен обладать имплицитный тест? Hofmann, Friese, and Strack [31] определяют четыре свойства имплицитных тестов. Во-первых, такой тест должен обладать достаточной специфичностью относительно интересующей области: тест, измеряющий установки на Coca-Cola, будет лучше, если он будет касаться Coca-Cola напрямую, а не более широкой категории прохладительных напитков. Во-вторых, имплицитный тест должен обращаться к ассоциативной структуре, лежащей в основе импульсивного процесса. В-третьих, он должен по минимуму обращаться к параметрам сознательного контроля. Наконец, в-четвертых, имплицитный тест должен быть чувствительным как к индивидуальным различиям, так и к вариациям в состояниях.

За последние годы число и разнообразие имплицитных тестов существенно возросло. В качестве примеров можно упомянуть процедуру оценочного праймирования (Evaluative Priming Procedure [22]), ассоциативную задачу «вперед/стоп» (Go/No-go Association Task [41]), задачу лексического решения (Lexical Decision Task [53]), аффективную задачу Саймона (Af-

fective Simon Task [16]), процедуру имплицитной ассоциации (Implicit Association Procedure [43]), оценку оценочного движения (Evaluative Movement Assessment [13]), задачу на окончание фрагмента слова (The Word Fragment Completion Task [18]), анализ лингвистических уклонов (напр., [51]). Однако, как постоянно отмечается разными авторами (напр., [33; 44]), наибольшую популярность среди имплицитных тестов на сегодня имеет так называемый Тест имплицитных ассоциаций (IAT [28]).

То, что делает IAT — это определение силы ассоциации между некоторой категорией (например, экстраверсия или черный цвет кожи) и ее оценкой (в терминах позитивности/негативности или, например, референции к Я/Другому). Такая подоплека существенно отличает тесты вроде IAT от, например, тестов праймирования (priming [23]): последние используют механизм кратковременного (до нескольких сотен миллисекунд) предъявления активирующего слова (прайма) перед словом, требующим от индивида реакции.

В типичном IAT изучаемый параметр определяется по разнице средних скоростей реакции на так называемые «согласованные ассоциативные серии» (напр., русский — хорошо или Я — экстраверсия) и на так называемые «несогласованные ассоциативные серии» (напр., русский — плохо или Я — интроверсия). «Согласованность» в данном случае является сугубо условной, технической, говорящей исключительно о противопоставленности «несогласованности».

IAT демонстрирует впечатляющие результаты: IAT лучше самоотчетных тестов предсказывает поведение в межгрупповом контексте [29], обладает внутренней согласованностью и ретестовой надежностью на весьма высоком уровне, сопоставимым с тем, который показывают хорошие вопросники [20; 29].

Основная проблема IAT в частности и имплицитных тестов в целом — концептуальная. Что лежит за эффектами, получаемыми тестами скорости реакций в социальном познании? Этот вопрос имеет смысл как минимум на двух уровнях: на методическом (каков механизм действия IAT) и на теоретическом (что именно диагностирует IAT).

Например, одна из проблем, связанных с диагностичностью IAT, обусловлена тем, что индивид может активировать не собственные установки в отношении объекта, а лишь свое знание о социальных оценках данного объекта [10; 23]. Например, связывая категорию гомосексуалиста с негативной оценкой, индивид может обращаться не к своей собственной установке на эту группу людей, а на существующее общественное мнение касательно геев и лесбиянок. Таким образом, становится неясно, что же выражает индивид в IAT: свое мнение или общепринятое мнение. Однако, как отмечают Banaji [10] и Lowery, Hardin, and Sinclair [38], эта дилемма может оказаться мнимой: имеет ли смысл различать некое индивидуальное мнение от «общепринятого мнения» в глазах индивида? Где проходит эта граница?¹

Теоретическую составляющую указанной проблемы, как обычно это бывает на ранних этапах осмысления области, решают с трех позиций: двух крайних и одной умеренной.

¹ В любом случае, несмотря на возникающие здесь трудности, на наш взгляд, эта проблема не очень адекватна применению IAT при измерении черт личности: здесь индивид не может активировать «общественное мнение» в силу уникальности своей личности, по крайней мере, в собственных глазах. Единственное возможное осложнение может быть связано с отраженной самооценкой [5]: потенциально индивид может, оценивая себя, активировать ассоциации, связанные с тем, как его видят другие, а не он сам. Однако этот последний случай хотя и требует своей проверки, на старте выглядит весьма экстравагантным, чтобы соответствовать действительности.

Концепции двоичных процессов весьма популярны в последние десятилетия [42; 19]. Логика подобных концепций заключена в том, что линейное воздействие некоего фактора А на объект В наблюдается при определенном состоянии другого фактора С. Фактически это логика общеэкспериментальных факторных планов, и с их внедрением в социальную психологию произошел и всплеск моделей, предполагающих менее жесткую линейную зависимость явлений, ее обусловленность теми или иными контекстуальными факторами, «модераторами» и «опосредующими звеньями» (ср., напр., с логикой межуровневых связей в интегральном исследовании индивидуальности [3]).

В этом контексте Strack and Deutsch [49] разработали рефлексивно-импульсивную модель (Reflective-Impulsive Model; RIM), объясняющую социальное поведение как функцию двух связанных (но различных) процессов. С одной стороны, социальное поведение понимается как вполне рациональный процесс: социальные ситуации сознательно воспринимаются и категоризируются, ценность и потенциальные последствия различных вариантов поведения взвешиваются, принимается решение, активирующее соответствующую поведенческую схему (рефлексивные процессы). Вероятно, что за реализацию рефлексивных процессов отвечают префронтальная зона коры и другие отделы коры, ответственные за принятие решения [2]. Поэтому рефлексивные процессы часто также называют центральными (ср., напр., с «центральным путем обработки информации» в теории убеждения Petty & Cacioppo [42]). С другой стороны, перцептивная информация «на входе» запускает активацию схематических элементов в ассоциативной сети, а рост активации, с преодолением некоего порога, приводит к активации соответствующих поведенческих схем (импульсивные процессы; ср., напр., с «периферийным путем обработки информа-

ции» в той же теории Petty & Cacioppo). Вероятно, что за реализацию импульсивных процессов отвечают ассоциативные зоны коры. Поэтому импульсивные процессы также часто называют ассоциативными. Не следует, однако, считать, что модель Strack and Deutsch предполагает реципрокность рефлексивных и импульсивных процессов; напротив, конкретное социальное поведение полагается как функция обоих указанных механизмов с варьирующимся удельным весом. Впоследствии в плане разработки RIM применительно к чертам личности Back, Schmuckle, and Egloff [9] разработали модель поведенческих процессов личности (Behavioral Process Model of Personality).

В то же время существуют предположения, что имплицитные и эксплицитные тесты измеряют один и тот же феномен, а получаемые различия в результатах обусловлены дисперсией метода [23; 37]. Наконец, Greenwald et al. [29] утверждают промежуточную точку зрения: эксплицитные и имплицитные тесты измеряют два эмпирически разных конструкта, имея в виду, что на сегодня не ясно, какая теоретическая логика здесь более соответствует действительности — двоичная или унитарная.

Личность как предиктор поведения

Стремление психологов продемонстрировать утилитарную мощь личностных конструктов широко распространено и совершенно понятно. Действительно, какой толк от личностных конструктов, если они не способны предсказывать что-либо, кроме самих себя? Поведение — хотя и не единственный, но, пожалуй, наиболее желанный параметр, который должна предсказывать личностная модель.

Допущение, что стабильные внутренние качества могут быть эффективными предикторами поведения, является ключевым при построении диспозициональных теорий личности с момента их возникновения [6; 14]. Однако, как

это часто бывает в науке, укоренение определенного мнения по некоему поводу приводит к движению, ему противостоящему. В нашем случае это выразилось в появлении концепций, утверждающих иллюзорность черт личности как устойчивых, кросс-ситуативных параметров. Объявлялся примат ситуации как фактора, определяющего поведение. Такому мнению способствовали и результаты исследований. В частности, было показано [4; 40], что самоотчетные тесты личности и поведенческие показатели коррелируют между собой приблизительно на уровне $r=.30$. Это фактически может означать, что черты личности, измеренные вопросомником, способны объяснить примерно 10% в вариации поведения данного индивида [33].

В то же время возможности личности как предиктора поведения могут быть существенно ограничены особенностями метода, традиционно используемого для ее измерения, — самоотчетного теста. Так, например, Lucas and Baird [39] приводят огромное количество примеров тому, что самоотчеты (и в первую очередь — вопросники) подвержены действию самых разных угроз, и обычно упоминаемая в этом контексте социальная желательность является отнюдь не единственной, а может быть даже и не первой. Разметка шкалы, размер шкалы, гомогенность пунктов вопросника и многое другое может увеличивать дисперсию итогового показателя [46; 47]. Правда, те же Lucas and Baird в заключение отмечают, что доподлинно не установлено, что дисперсия ошибки метода в самоотчетах является критичной для измерения соответствующих переменных. Более того, Fleeson and Gallagher [25] с использованием мета-анализа¹ 15 отдельных исследований показа-

ли, что черты Большой Пятерки могут предсказывать поведение в пределах $0.3 < r < 0.6$, что достаточно существенно. Этот результат также согласуется с другими, независимыми исследованиями [30; 34], в том числе мета-аналитическими [29].

На этом фоне вопрос об альтернативных методах измерения черт личности многим исследователям видится нетривиальным. Одна из наиболее очевидных в этом смысле перспектив определяется возможностью приложения к исследованиям черт личности тестов скорости реакции, которые, как отмечалось в предыдущем разделе, уже широко распространены в исследованиях социального познания. Возможность такого подхода, вероятно, первыми реализовали Asendorpf, Banse, and Mucke [8]. Надо отметить, что Asendorpf et al. предположили механизм так называемой «двойной диссоциации» в отношениях имплицитных и эксплицитных компонентов Я-концепции, с одной стороны, и поведенческих индикаторов, с другой, легший впоследствии в основу RIM [49]. При такой двойной диссоциации предполагается, что поведение индивида как функция индивидуальных психических свойств (личности) требует своего уточнения: поведение может быть функцией как эксплицитных, так и имплицитных черт личности.

Имплицитные черты личности

Начало использования ИАТ в качестве личностного теста следует отнести к 2000-2002 гг. Первые исследования касались самооценки. Так, Greenwald and Farnham [27] обнаружили, что индивиды с повышенной самооценкой, из-

¹ В отличие от более распространенной процедуры аккумулирующего исследования (мета-анализа) мета-анализ предполагает статистические расчеты на объединенной матрице сырых данных, полученных

в разных исследованиях, с использованием статистики, обычно применяемой к отдельным исследованиям. Мета-анализ позволяет изучать аккумулированный эффект и без матрицы сырых данных, используя лишь итоговые статистические коэффициенты.

меренной IAT, менее подвержены действию внешней обратной связи. Аналогично Jordan, Spencer, and Zanna [35] обнаружили положительную связь между самооценкой, измеренной IAT, и способностью на поведенческом уровне противостоять неудаче.

Asendorpf et al. изучали возможность определения застенчивости посредством IAT. Авторы показали, что застенчивость может функционировать в двух «режимах» поведения — спонтанном и контролируемом. При этом речь и речевые иллюстраторы (т.е. жесты, передающие смысл и сопровождающие речь) относятся к контролируемому застенчивому поведению, а мимические и пантомимические адапторы (т.е. стимуляторы лица и тела посредством рук), а также напряженность в позе — к спонтанному застенчивому поведению. Они обнаружили, что частота жестов, демонстрирующих контролируемое застенчивое поведение, сильнее коррелирует с самоочетным тестом застенчивости; однако частота жестов, демонстрирующих спонтанное застенчивое поведение, сильнее коррелирует с застенчивостью, измеренной посредством IAT. В итоге выдвигается гипотеза двойной диссоциации относительно того, что измеряют самоочетные тесты личности и IAT: первые предсказывают контролируемое поведение, в то время как IAT — спонтанное поведение. Эмпирически авторы показали, что в ситуации, требующей контроля своей застенчивости (моделирование центра оценки персонала), участники показывали меньшие значения по контролируемому застенчивому поведению (в сравнении с контрольной группой), но большие — по спонтанному застенчивому поведению.

В ряде исследований было показано, что IAT применительно к личностным параметрам демонстрирует высокую согласованность (α в районе .80 [8; 20]). При этом ретестовая надежность IAT применительно к личностным параметрам обычно находится в диапазоне

.60 < r < .70 [20; 50], что всего лишь несколько меньше ретестовой надежности, демонстрируемой хорошими самоочетными тестами.

Одна из психометрических проблем имплицитных черт личности связана с возможностью использования альтернативных тестовых процедур. Тем более, что IAT не следует считать неким идеальным тестом: методика имеет ряд свойств, представляющих опасность с точки зрения валидности [16]; в частности, ее исполнение привязано к работе парных категорий (например, Я против Другой). Кроме того, в случае с оценками группы черт личности (например, пяти) возникает проблема одновременности тестирования всех черт. Однако IAT обладает поразительно высокими психометрическими коэффициентами согласованности и воспроизводимости. С другой стороны, попытки применить какие-либо альтернативные имплицитные тесты к оценке черт личности наталкивались до сих пор на непреодолимые психометрические препятствия. Например, Teige et al. [50] попробовали использовать для измерения застенчивости, тревожности и гневливости (angriness) так называемую Заданную извне аффективную задачу Саймона (Extrinsic Affective Simon Task; EAST). EAST был предложен De Houwer [16] в качестве альтернативы IAT. В частности, EAST позволяет получать значения по нескольким параметрам (например, тем же застенчивости, тревожности и гневливости) в рамках одной серии, что невозможно для IAT. Однако Teige et al. обнаружили, что EAST демонстрирует очень низкую, на уровне случайной, согласованность ($\alpha < .24$), а также незначимые корреляции в части конвергентной валидности: EAST не коррелировал не только с соответствующими показателями IAT, но и с соответствующими показателями, измеренными самоочетными тестами.

В другом исследовании Schnabel et al. [44] изучали возможность рассмотрения имплицит-

ных черт личности посредством так называемой Процедуры имплицитной ассоциации (Implicit Association Procedure; IAP). В этой процедуре используются униполярные категории (в отличие от IAT), что является потенциальным преимуществом. В то же время IAP в отличие от IAT предполагает при выполнении основных задач вместо клавиатуры джойстик. Несмотря на эту спецификацию, авторы не обнаружили существенных различий между IAP и IAT при оценке застенчивости, так что даже возникла возможность использовать агрегированный показатель, полученный из усреднения показателей двух тестов. В то же время IAT и IAP показали в этом исследовании устойчивость против инструкции менять свое поведение под требования ситуации, т.е., в данном случае, казаться беззастенчивым; напротив, самоотчетные эксплицитные тесты продемонстрировали явную подверженность в своих результатах подобной инструкции [44].

В одном из первых исследований имплицитной Большой Пятерки Steffens and Schulze-Konig [48] обнаружили, что черты личности, измеренные IAT, могут быть неплохим предсказателем лабораторного поведения, превосходящим в своей предсказательной способности эксплицитный тест NEO-FFI. В частности, IAT статистически значимо предсказывал поведенческий нейротизм (а также оценку собственного нейротизма в лабораторной ситуации), чего не делал NEO-FFI. IAT коррелировал со временем, проведенным участником в свободном общении с экспериментатором (поведенческий показатель экстраверсии), чего также не делал NEO-FFI. IAT значимо коррелировал с реакцией на необоснованное обвинение (поведенческий показатель доброжелательности), чего опять-таки не делал NEO-FFI. Наконец, IAT по добросовестности значимо коррелировал с тестом на концентрацию, что рассматривалось авторами в качестве показателя пове-

денческой добросовестности. И снова, NEO-FFI с этим показателем не коррелировал. Единственный «прокол» продемонстрировал показатель открытости: IAT по открытости не коррелировал с частотой посещения культурных мероприятий, в то время как NEO-FFI с этим показателем был связан¹. Кроме того, авторы обнаружили, что эксплицитные и имплицитные черты личности достаточно независимы друг от друга: коррелировали лишь показатели нейротизма и добросовестности, да и то в диапазоне $.22 < r(89) < .28$. Таким образом, Steffens and Schulze-Konig уже в первом исследовании показали, что у IAT возможны преимущества в предсказании поведения перед эксплицитными чертами личности, а имплицитные черты личности как конструкт вполне имеют право на существование наряду с эксплицитными чертами личности. В частности, данные Steffens and Schulze-Konig подтверждают, что имплицитные черты личности лучше предсказывают автоматическое поведение, в то время как эксплицитные черты личности лучше предсказывают контролируемое поведение и мнения о своем поведении.

Однако в дальнейшем успех Steffens and Schulze-Konig (2006) закреплен не был. Напротив, начали собираться данные о том, что в большинстве случаев эксплицитные, а не имплицитные черты личности являются более эффективным предиктором поведения.

Например, Anderson [7] не сумел подтвердить данные Steffens and Schulze-Konig в части добросовестности: имплицитная добросовестность не предсказывала свой поведенческий индикатор (хотя это и был вполне «автоматизированный» тест на внимание). Более того, экс-

¹ Следует отметить, что частота посещения культурных мероприятий является рефлексивным, а не поведенческим показателем, подверженным когнитивным искажениям.

плицитная добросовестность достаточно достоверно предсказывала самоотчетные оценки по различным академическим тестам в отличие от имплицитной добросовестности.

Более значимо, Greenwald et al. [29], проведя мета-анализ 24 исследований связи черт личности, измеренных IAT с поведенческими индикаторами, обнаружили умеренно значимую положительную корреляцию в 95%-ном доверительном интервале $r=.277(\pm.064)$. В то же время мета-анализ 21 исследования связи эксплицитных черт личности с поведенческими индикаторами выявил, что эта связь является более тесной в среднем, хотя и с более высоким значением доверительного интервала, $r=.353(\pm.105)$.

Резюмируя, следует отметить, что современные исследователи предполагают, что эксплицитные и имплицитные тесты черт личности обладают инкрементной валидностью, т.е., отчасти пересекаясь в своих предсказаниях, объясняют вариацию поведения в зонах, независимых друг от друга [9; 29].

Связь имплицитных и эксплицитных параметров

Обоснованность изучения имплицитных параметров должна быть связана с их возможной способностью предсказывать поведение, независимо и уникально в сравнении с обычными вопросниковыми тестами (т.е. обладать инкрементной валидностью). В начале исследований имплицитных установок предполагалось, что низкая корреляция между имплицитными и эксплицитными показателями одного и того же параметра должна считаться свидетельством валидности имплицитного конструкта [26]. Действительно, если имплицитный и эксплицитный показатели значительно коррелируют между собой, то в чем заключается смысл измерения первого «при живом» и экономичном втором? Действительно, имплицитные тесты

зачастую показывают низкую корреляцию с эксплицитными тестами [9; 12] при достаточном предсказании релевантного поведения [8-9].

Правда, утверждать полную диссоциацию между имплицитными и эксплицитными показателями не удастся. В частности, в одном важном мета-аналитическом исследовании (517 корреляций, полученных в 126 независимых исследованиях) Hofmann, Gawronski, Gschwendner, Le, and Schmitt [32] показали, что имплицитные и эксплицитные параметры умеренно связаны между собой (средняя корреляция по популяции $r=.24$), однако существует значительная варьированность в этих корреляциях (там же. Р. 1376). Hofmann et al. также обнаружили, что так называемая спонтанность конструкта (т.е. мера, в которой индивиды должны полагаться на «интуицию» и «чутье» при его оценке; показатель был получен посредством экспертных оценок) положительно предсказывает величину корреляции между имплицитными и эксплицитными параметрами. Следует, однако, отметить, что авторы не выявили эффектов социальной желательности и интроспективности изучаемого конструкта на корреляцию между имплицитным и эксплицитным тестами. Hofmann et al. также установили, что IAT сильнее коррелировал с эксплицитными тестами, если последние обращались к аффективным (а не когнитивным) проблемам.

В более позднем мета-анализе [29] уже применительно к исследованиям личности ($n=21$) была обнаружена корреляция имплицитных и эксплицитных параметров, лишь приближающаяся к значимой. Они также показали, что эксплицитные тесты черт личности коррелируют с соответствующими поведенческими индикаторами сильнее, чем личностные IAT, хотя и с большим доверительным интервалом этой корреляции (т.е. корреляции IAT с поведенческими индикаторами черт личности

были хотя и менее сильными, но в целом более устойчивыми). Кроме того, Greenwald et al. выявили, что размер корреляции имплицитных и эксплицитных тестов существенно связан с предсказательной способностью поведенческих индикаторов как для эксплицитных, так и для имплицитных тестов. Этот последний результат кардинально противоречит ранним представлениям о том, что предсказательная способность имплицитных тестов увеличивается по мере роста рассогласования имплицитного теста со своим эксплицитным аналогом [26]. Наконец, Greenwald et al. обнаружили давно ожидавшийся результат и для социальной желательности: ее рост сокращал способность предсказывать поведение для эксплицитных тестов, но практически не сказывался на тестах имплицитных. Таким образом, если имплицитный тест плохо предсказывает релевантное поведение, то это связано с действием каких-то других, отличных от социальной желательности, факторов. В то же время это означает, что имплицитные тесты личности, в сравнении с эксплицитными, практически не подвержены действию социальной желательности. Чего нельзя сказать о тестах эксплицитных.

Имеется достаточно свидетельств тому, что имплицитные тесты эффективнее предсказывают поведение тогда, когда у индивида нет достаточно мотивов или ресурсов для контроля своего поведения. По этой причине имплицитные тесты предубеждений хорошо коррелируют с невербальными параметрами поведения, релевантного данному предубеждению (например, расстоянию, на которое садится индивид от представителя целевой расы, или количеству прикосновений, которые совершает индивид в процессе коммуникации с представителем целевой расы [11; 52]). В тех же случаях, когда индивид стремится контролировать свое поведение, корреляция между имплицитным тестом и релевантным поведением может быть самой

разной, даже негативной [23]. В принципе это противоречит позднейшим данным Greenwald et al. [29], что лишь означает, что вопрос о предсказательной способности имплицитных и эксплицитных черт личности, в частности и социальных процессов вообще, остается открытым.

Постановка проблемы

Back et al. [9] обнаружили, что имплицитная Большая Пятерка, измеренная посредством Теста имплицитных ассоциаций (IAT), демонстрирует сравнительно невысокую¹ способность предсказывать прямое поведение. Лишь два параметра из пяти в их исследовании продемонстрировали способность предсказывать поведение: нейротизм и экстраверсия (на уровне $p < .001$). Back et al. посредством частных корреляций показали также, что взаимосвязь имплицитных нейротизма и экстраверсии с соответствующими поведенческими параметрами сохраняется и при статистическом контроле эксплицитных нейротизма и экстраверсии. Этот последний факт говорит в пользу того, что имплицитный тест нейротизма и экстраверсии обладает инкрементной валидностью, т.е. фиксирует самостоятельную часть дисперсии в поведенческих показателях нейротизма и экстраверсии, отличимую от своих эксплицитных аналогов. Данные в части нейротизма имеют и более раннюю эмпирическую поддержку; имплицитные тесты тревожности [20; 45] и застенчивости [8], которые можно рассматривать в качестве аспектов нейротизма, также продемонстрировали хорошую предиктивную валидность. Back et al. [9] полагают, что нейротизм и экстраверсия тесно связаны с базовыми аффективными процессами, обуславливающими ре-

¹ Back et al. (2009) при этом подтверждают более ранние результаты достаточно высокой предиктивной валидности Большой Пятерки, измеренной самоотчетными тестами.

акции приближения — избегания (*ibid.* P. 542). Это последнее соображение дает основания полагать, что нейротизм и экстраверсия имеют прямое отношение к автоматическому исполнению поведения, что, в свою очередь, обеспечивает предиктивную (и инкрементную) валидность их имплицитных тестов. Можно также вспомнить, что именно экстраверсия и нейротизм являются личностными факторами, первичность которых была показана в ранних исследованиях Айзенка [1]. Эти факторы чаще имеют ортогональное отношение и ложатся в основу современных попыток найти поддержку для двухфакторных моделей личности, формируемых в результате вторичной факторизации Большой Пятерки [17]. Bask et al. получили также некоторое (сравнительно слабое) свидетельство в пользу предсказательной способности имплицитной доброжелательности. Однако мы, вслед за Bask et al., также полагаем, что доброжелательность является сознательно контролируемым параметром поведения, и имплицитная доброжелательность предсказывать соответствующее поведение должна незначительно. У результатов, полученных Bask et al., есть и достаточные теоретические основания. Так, например, в концепции связи установки с поведением [21; 24] предполагается, что имплицитные методы лучше предсказывают спонтанное и автоматизированное поведение, в то время как эксплицитные методы лучше предсказывают контролируемое поведение. Мы далеки от утверждения дискретности вкладов автоматизируемых и контролируемых процессов в поведение; напротив, мы предполагаем, что автоматизируемые и контрольные процессы имеют определенный удельный вес в каждой форме поведения. Этот удельный вес и определяет эффективность имплицитных (при преобладании удельного веса автоматизированных процессов) или эксплицитных (при

преобладании удельного веса контролируемых процессов) методов (ср: [8]).

Следует также иметь в виду, что в другом важном исследовании Steffens and Schulze-König [47] обнаружили более высокую предиктивную валидность личностного IAT: за исключением открытости опыту, показатели личностных черт Большой Пятерки, измеренные IAT, статистически значимо (хотя и весьма умеренно) предсказывали поведенческие индикаторы.

В то же время у нас имеются определенные основания и для альтернативной гипотезы о связи имплицитных черт личности с поведением. Сравнительно низкая предсказательная валидность имплицитных тестов в предыдущих работах [9; 43; 48] может объясняться методически. Дело может заключаться в том, каким образом эти исследователи манипулировали одним из важнейших параметров в IAT применительно к личности — параметром «не-Я» («Другой»). Полностью, либо в существенной степени, авторы в этой связи использовали местоимения второго лица с варьированием падежей — *du, dein, dir* (нем. — ты, твой, тебе) и т.д. Вслед за Karpinski [36], мы считаем, что такая манипуляция не вполне удачна: в случае, когда испытуемый имеет дело с подобными стимулами, существенная доля дисперсии результатов может быть связана с тем, что он относит эти стимулы не к «Другому», а к себе самому. Так, в диалоге обращение «ты», очевидно, относится к реципиенту, а не к «Другому». Взаимодействие же с тестовой компьютерной программой вполне может быть случаем диалогового взаимодействия. Как следствие реципиент может видеть в местоимении ты «обращение компьютера» к себе.

На наш взгляд, более эффективной может быть идеографическая манипуляция «Другим», предполагающая использование тех слов, которые участник исследования определит в каче-

стве неприемлемых для его Я-концепции (например, женщина в отношении мужчины или 75 лет в отношении 25-летнего). В пользу этого варианта свидетельствуют мета-аналитические данные Hofmann et al. [32], показавшие, что в исследованиях, где в качестве стимулов в IAT применялись идеографические идентификаторы, корреляция между IAT и соответствующим эксплицитным показателем была выше, что может быть связано со снижением статистической ошибки метода (в сравнении с исследованиями, где в качестве стимула в IAT выступали местоимения или звуковые стимулы).

В том случае, если наше предположение верно, предсказательная в плане поведения валидность имплицитных тестов Большой Пятерки должна быть существенно выше.

Мы предполагаем, что способность имплицитных показателей черт личности будет увеличиваться для тех черт личности, которые предположительно являются более автоматизированными. В первую очередь, речь идет об экстраверсии. С учетом ранее полученных данных мы ожидали также, что личностный IAT будет предсказывать поведенческий показатель нейротизма.

Отдельный интерес для нас представляла факторная структура имплицитной Большой Пятерки. Будет ли она соответствовать эксплицитной структуре? Поскольку нам не удалось найти соответствующих данных в литературе, мы выдвинули стартовое предположение, что двухфакторная ортогональная структура имплицитной Большой Пятерки будет соответствовать обычно получаемым эксплицитным структурам Большой Пятерки.

Другим интересовавшим нас вопросом являлась роль оценок сверстников, знающих индивида (далее — экспертов) в варьировании имплицитных черт Большой Пятерки. В целом мы предполагали, что экспертные оценки, менее подверженные действию социальной жела-

тельности (хотя это влияние, безусловно, сохраняется, поскольку индивид корректирует свое поведение в плане социальной желательности), будут предсказываться имплицитными и эксплицитными чертами личности, однако во взаимодействии с соответствующими поведенческими индикаторами.

За пределом предыдущих исследований остается вклад внешних оценок, полученных от других людей, в имплицитные черты. Отдельным вопросом в этой связи является возможность совместного вклада эксплицитных и имплицитных черт личности, а также внешних оценок в соответствующее поведение.

Одно из возможных объяснений эффектов, получаемых IAT, связано с исключительно когнитивными функциями индивида. В частности, можно предположить, что переключаемость внимания определяет эффекты IAT, а во все не некоторые ассоциативные процессы социального познания. В этой связи, наряду с измерением различных параметров личности, мы измеряли переключаемость внимания, предполагая, что между этим последним параметром и имплицитными чертами личности линейной связи обнаружено не будет.

Изложению процедуры нашего первого исследования, обсуждению его результатов посвящена вторая часть этой статьи.

Список литературы

1. Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. 464 с.
2. Голдберг Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация. М.: Смысл, 2003. 335 с.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
5. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! Т. 1. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 336 с.
6. Allport G.W. Personality: A psychological interpre-

- tation. New York: Holt., 1937.
7. *Anderson, R.D.* The Implicit Association Test for conscientiousness: An indirect method of measuring personality. Unpublished manuscript for the degree of Master of Arts., 2009.
 8. *Asendorpf J.B., Banse R., & Mucke D.* Double dissociation between implicit and explicit personality self-concept: The case of shy behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 83. P. 380-393.
 9. *Back M.D., Schmuckle S.C., & Egloff B.* Predicting actual behavior from the explicit and implicit self-concept of personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. № 97. P. 533-548.
 10. *Banaji M.R.* Implicit attitudes can be measured. In: H.L. Roediger, J.S. Nairne (Eds.) // *The Nature of Remembering: Essays in Honor of Robert G. Crowder*. Washington; DC: APA., 2001. P.117-150.
 11. *Bessenoff G.R., & Sherman J.W.* Automatic and controlled components of prejudice toward fat people: evaluation versus stereotype activation // *Social Cognition*. 2000.№18. P. 329-353.
 12. *Blair I.V.* Implicit stereotypes and prejudice // Moskowitz (Ed.), *Cognitive social psychology*. Mahwah,NJ: Lawrence Erlbaum, 2001.
 13. *Brendl C. M., Markman A. B., & Messner, C.* Indirectly measuring evaluations of several attitude objects in relation to a neutral reference point // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2005. №41. P.346 — 368.
 14. *Cattell R.B.* The description of personality: Basic traits resolved into clusters // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1943. №38. P. 476-506.
 15. *Crosby E., Bromle S., & Saxe L.* Recent unobtrusive studies of Black-and-White discrimination and prejudice: A literature review // *Psychological Bulletin*. 1980. №87. P.546-563.
 16. *De Houwer J.* The Extrinsic Affective Simon Task // *Experimental Psychology*. 2003. №50. P.77-85.
 17. *Digman J.M.* Higher-order factors of the Big Five // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. №73. P.1246-1256.
 18. *Dovidio J.F., Kawakami K., Johnson C., & Johnson B.* On the nature of prejudice: Automatic and controlled processes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1997. №33. P.510 — 540.
 19. *Eagly A. H., & Chaiken S.* The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich., 1993.
 20. *Egloff B., & Schmuckle S.C.* Predictive validity of an implicit association test for assessing anxiety // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. №83. P. 1441-1455.
 21. *Fazio R. H.* Multiple processes by which attitudes guide behavior: The MODE model as an integrative framework. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA // Academic Press. 1990. Vol. 23. P. 75-109.
 22. *Fazio R. H., Jackson J. R., Dunton B. C., & Williams C. J.* Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. №69. P.1013 — 1027.
 23. *Fazio R. H., & Olson M. A.* Implicit measures in social cognition: Their meaning and use // *Annual Review of Psychology*. 2003. №54. P.297-327.
 24. *Fazio R. H., & Towles-Schwenn T.* The MODE model of attitude-behavior processes. In S. Chaiken & Y. Trope (Eds.), *Dual process theories in social psychology*. N.Y.: Guilford Press, 1999. P.97-116.
 25. *Fleeson W., & Gallagher P.* The implications of Big Five standing for the distribution of trait manifestation in behavior: Fifteen experience-sampling studies and a meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. №97. P.1097-1114.
 26. *Greenwald A. G., & Banaji M. R.* Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*. 1995. №102. P.4-27.
 27. *Greenwald A.G., & Farnham S.D.* Using the Implicit Association Test to measure self-esteem and self-concept // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. №79. P.1022-1038.
 28. *Greenwald A.G., McGhee D.E., & Schwartz J.L.K.* Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. №74. P.1464 — 1480.
 29. *Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E.L., & Banaji M.R.* Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. №97. P. 17-41.
 30. *Grucza R.A., & Goldberg L.R.* The comparative validity of 11 modern personality inventories: Predictions of behavioral acts, informant reports, and clinical indicators // *Journal of Personality Assessment*. 2009. №89. P.167-187.
 31. *Hofmann W., Friese M., & Strack F.* Impulse and self-control from a dual-systems perspective // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. №4. P.162-176.
 32. *Hofmann W., Gawronski B., Gschwendner T., Le, H., & Schmitt M.* A meta-analysis on the correlation

- between the Implicit Association Test and explicit self-report measures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. №31. P.1369-1385.
33. Hofmann W., Gschwendner T., Nosek B.A., & Schmitt M. What moderates implicit-explicit consistency? // *European Review of Social Psychology*. 2005. №16. P. 335-390.
 34. Hong R.Y., Paunonen S.V., & Slade H.P. Big Five personality factors and the prediction of behavior: A multitrait-multimethod approach // *Personality and Individual Differences*. 2008. №45. P.160-166.
 35. Jordan C.H., Spencer S.J., & Zanna M.P. I love me... I love me not: Implicit self-esteem, explicit self-esteem, and defensiveness. In: S.J. Spencer S. Fein M.P. Zanna J.M. Olson (Eds.). *Motivated Social Perception: The Ninth Ontario Symposium*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002. P.117-145.
 36. Karpinski A. Measuring self-esteem using the Implicit Association Test: The role of the other // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. №30. P.22-34.
 37. Kruglanski A.W., & Thompson E.P. Persuasion by a single route: A view from the unimodel // *Psychological Inquiry*. 1999. №10. P.83-109.
 38. Lowery B.S., Hardin C.D., & Sinclair S. Social influence effects on automatic racial prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. №81. P.842-855.
 39. Lucas R.E., & Baird B.M. Global self-assessment. In M. Eid & E. Diener (Eds.), *Multimethod Measurement in Psychology*. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. P.29-42.
 40. Mischel W. *Personality and assessment*. N.Y.: Wiley, 1968.
 41. Nosek B.A., & Banaji M.R. The Go/No-go Association Task // *Social Cognition*. 2001. №19. P.625 — 666.
 42. Petty R.E., & Cacioppo J.T. *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag, 1986.
 43. Schmukle S.C., Back M.D., & Egloff B. Validity of the Five factor Model for the implicit self-concept of personality // *European Journal of Psychological Assessment*. 2008. №24. P.263-272.
 44. Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J. Employing automatic approach and avoidance tendencies for the assessment of implicit personality self-concept: The Implicit Association Procedure (IAP). // *Experimental Psychology*. 2006a. №53. P.69-76.
 45. Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J.B. Assessment of implicit personality self-concept using the implicit association test (IAT): Concurrent assessment of anxiousness and anger // *British Journal of Social Psychology*. 2006b. №45. P.373-396.
 46. Schwarz N., & Clore G.L. Mood, misattribution, and judgments of well-being: Informative and directive functions of affective states // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. № 45. P.513-523.
 47. Schwarz N., Strack E., & Mai H. P. Assimilation and contrast effects in part/whole question sequences: A conversational logic analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1991. №55. P.3-23.
 48. Steffens M.C., & Schulze-Konig S. Predicting spontaneous Big Five behavior with Implicit Association Tests // *European Journal of Psychological Assessment*. 2006. №22. P.13-20.
 49. Strack F., & Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. №8. P.220-247.
 50. Teige S., Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J.B. Assessment of multiple implicit self-concept dimensions using the Extrinsic Affective Simon Task (EAST) // *European Journal of Personality*. 2005. №18. P.495-520.
 51. von Hippel W., Sekaquaptewa D., & Vargas P. The linguistic intergroup bias as an implicit indicator of prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1997. №33. P.490 — 509.
 52. Wilson T., Lindsey S., & Schooler T.Y. A model of dual attitudes // *Psychological Review*. 2000. №107. P.101-126.
 53. Wittenbrink B., Judd C.M., & Park B. Evidence for racial prejudice at the implicit level and its relationship with questionnaire measures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. №72. P.262 — 274.

ON THE MEASUREMENT OF PERSONALITY TRAITS BY MEANS OF REACTION
TIMES (PART I: DEFINING THE PROBLEM)*S.A. Shchebetenko, S.V. Weinstein*

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

Research methods of implicit social cognition are reviewed. A conceptual heterogeneity in empirical development of the problem is shown. We hypothesize the joint contribution of implicit and explicit traits to variance of behavioral data. Contemporary dimensions of implicit personality traits assessed by reaction times and their connections with explicit personality scales assessed by self-reports are marked. The problem of implicit-explicit measurements of personality is defined and several hypotheses are offered for further empirical research.

Keywords: Big Five, Implicit Association Test, reaction time, social cognition, personality traits